А. ЛЕВЧЕНКО

Забияка Пипер, Черный барон, васильковый гусар

В массовом сознании прочно закрепился образ барона Врангеля в роскошной кавказской черкеске с газырями, орденом Святого Георгия на груди, в низкой смушковой папахе, с кинжалом... Именно таким он предстает на многочисленных фотографиях периода Гражданской войны и первых лет эмиграции, таким его изображали большевики на своих карикатурах. Между тем «военный гардероб» Петра Николаевича за годы службы был куда более разнообразным.

Из гвардейцев — в казаки

Древний род баронов Врангелей традиционно считался военным. С начала XIII века он дал России и Европе семь фельдмаршалов, более тридцати генералов и семь адмиралов. То, что в эту плеяду когда-нибудь войдет и юный Петруша, его родители вряд ли себе представляли. Они прочили сыну карьеру в бурно развивавшейся тогда горной промышленности, где уже делал успехи отец. Собственно, карьера эта уже почти началась: вместо кадетского корпуса — ростовское реальное училище, вместо военного училища — петербургский Горный институт императрицы Екатерины II. Но тут настало время проходить действительную срочную службу.

Не дожидаясь призыва по жребию, в сентябре 1901 года Петр Врангель поступил вольноопределяющимся 1-го разряда (так назывались нижние чины с образованием, имевшие льготы в виде сокращенного срока службы и права производства в офицеры по экзамену по ее окончании) в лейб-гвардии Конный Его Величества полк — один из старейших и блестящих полков Российской императорской гвардии. Воинская служба Врангелю понравилась. Он решил стать офицером и остаться в полку, тем более что сдать экзамен выпускнику Горного института не представляло труда. Через год Петр Николаевич надел вожделенные офицерские погоны и... тут же снял их.

Насколько знаменательным, радостным и торжественным было производство в офицеры в жизни каждого вчерашнего юнкера или «вольнопера», можно судить хотя бы по воспоминаниям скромного аскета Антона Ивановича Деникина, который отмечал, что за всю жизнь пьян был лишь единожды — в день производства. Буйная пирушка в этот день для новоиспеченных офицеров была (да и есть) обязательной традицией. Петр Николаевич на такой пирушке, очевидно, хватил лишку. Возвращаясь домой, корнет Врангель не смог сдержать переполнявших его эмоций, выхватил шашку и принялся лихо рубить молодые деревца и кустарники. Случилось это не где-нибудь в лесу, а прямо возле дома полкового командира князя Трубецкого, который, как выяснилось, эти самые деревца любил. Князь услыхал шум, вышел и увидел упражняющегося в «рубке лозы» молодого барона...

В общем, пополнить офицерское общество лейб-гвардии Конного полка, куда принимали голосованием сами господа офицеры, Петру Николаевичу не пришлось. А в другом полку он служить не пожелал и ушел в запас.

Вторым шансом военной карьеры для будущего генерала стала начавшаяся война с Японией. На дальневосточный фронт стремились многие офицеры из армии, гвардии, и даже из запаса. Впервые за почти три десятилетия после Русско-турецкой войны для них открывалась возможность получить боевой опыт, испытать себя, а может, и совершить подвиг. Кстати, именно в боях с японцами впервые проявили себя такие известные в будущем борцы с большевизмом, как Антон Иванович Деникин, Николай Николаевич Юденич, Александр Васильевич Колчак[1]... Проявил себя там и Петр Николаевич Врангель.

Оставив опостылевшую службу чиновника при иркутском генерал-губернаторе, он отправился добровольцем на фронт, чтобы поступить в конницу. В России восточнее Волги тогда был только один регулярный кавалерийский полк — Приморский драгунский, а почти вся конница в войне с Японией была представлена исключительно казачьими полками, в первую очередь — дальневосточных казачьих войск. Большинство этих полков были второочередными, то есть формировались только на время войны. В начале февраля 1904 года Петр Врангель в чине хорунжего был определен во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, через пару недель переведен во 2-й Аргунский казачий полк того же войска, а еще через год — в Отдельный дивизион разведчиков отряда генерала Ренненкампфа.

Высокая и косматая «маньчжурская» папаха, шаровары с желтыми войсковыми лампасами, шашка казачьего образца, пышные усы и борода — на дошедшей до нас газетной фотографии трудно узнать будущего «Черного барона»...

...и обратно в гвардейцы!

Война с Японией дала мощный импульс военной карьере Врангеля. В первую очередь — благодаря его личному героизму и заслугам. За отличия в делах против японцев Петр Николаевич получил два внеочередных чина — сотника и подъесаула, три боевых ордена — Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и Св. Анны III ст.

Война окончилась, второочередные казачьи части подлежали демобилизации, а Врангель, желая остаться в строю, в чине штабс-ротмистра перевелся в Финляндский драгунский полк.

Одетый в невзрачную драгунскую форму Петр Николаевич прибыл к своему родному лейб-гвардии Конному Его Величества полку, куда его прикомандировали через полгода.

Командовал полком уже не старый знакомый князь Трубецкой, а добродушный Гусейн-хан Нахичеванский. А шефом полка, как следует из его названия, был Государь Император. На параде по случаю полкового праздника Николай II обратил внимание на высокого офицера, чей скромный драгунский мундир с колодкой боевых наград резко выделялся на фоне белых колетов, золоченых кирас и касок блестящих конногвардейцев. «Кто этот офицер?» — спросил Государь у Хана Нахичеванского. «Прикомандированный к полку штабс-ротмистр 55-го драгунского полка Врангель», — ответил полковой командир. «Я хочу, чтобы он служил в моем полку». Так по Высочайшему повелению Петр Николаевич вновь стал гвардейцем.

Имевший в рядах полка немало знакомых и родственников, Петр Николаевич легко и быстро влился в полковую семью, которой и являлось общество офицеров большинства полков Российской империи. Молодой барон становится одним из заводил офицерской молодежи — балы, рестораны с цыганами, дуэли... Повлиять на этот «круговорот жизни» молодого гвардейца не смогла ни учеба в Николаевской академии Генерального штаба, ни занятия в Офицерской кавалерийской школе. Смогла — женитьба. Но холостые годы Петр Николаевича были весьма яркими.

Сослуживцы вспоминали о нем с явной симпатией. Например, как после очередной пирушки в офицерском собрании Кавалергардского полка офицеры решили приготовить шашлык прямо на полу, используя вместо дров стулья. Когда маленький костер разгорелся настолько, что был готов стать большим пожаром, барон Врангель не растерялся, откупорил несколько бутылок шампанского и мигом залил пламя. Кстати, шампанское Петр Николаевич предпочитал одной марки — французское «Piper-Heidsieck», за что получил от друзей-однополчан прозвище Пипер, сопровождавшее его всю жизнь.

Случались выходки и посерьезнее шашлыка в собрании. Однажды в ресторане к Врангелю стал задираться пьяный. Взбешенный барон выхватил шашку и срубил верхушку высокой шляпы нахала. В другой раз, когда в большом петербургском салоне-магазине приказчик грубо обошелся с баронессой Марией Врангель — матерью Петра Николаевича, гвардейский офицер сгреб его за шиворот и выкинул в окно. К счастью, дело было на первом этаже, полет обошелся для приказчика без серьезных травм, и скандал удалось замять...

С шашкой против пушек

Эпоха блестящих гвардейских мундиров, веселых кутежей, дуэлей и проделок закончилась в одночасье, с началом Великой войны. Буквально в первые ее дни вчерашний забияка Пипер отличился и совершил подвиг, прогремевший на всю Россию. 6 августа 1914 года во главе эскадрона в конном строю ротмистр Врангель захватил стреляющую тяжелую батарею германцев. Награждение его за этот подвиг орденом Святого Георгия 4-й степени стало одним из первых в русской армии в эту войну.

Фотографий, запечатлевших Врангеля на фронтах Великой войны, сохранилось не так уж много. Впрочем, нетрудно догадаться, что его полевая форма защитного цвета в этот период существенно не менялась. Прирастали лишь чины и ордена на груди. 1914 год — награждение орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом, назначение флигель-адъютантом Его Величества, производство в чин полковника. 1915 год — Георгиевское оружие, орден Св. Владимира III ст. с мечами и назначение командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. Того самого Войска, в форме которого десять лет назад Петр Николаевич сражался с японцами.

Супруга Петра Николаевича, баронесса Ольга Михайловна Врангель (урожденная Иваненко) имела медицинское образование. Во время Великой войны она отправилась вслед за мужем на фронт и добровольно работала в военном госпитале. Спустя несколько лет этот опыт пригодится ей в Екатеринодаре, где баронесса заведовала госпиталем для солдат Добровольческой армии.

В начале 1917 года Врангель получил назначение временно командующим Уссурийской конной дивизией и красные генеральские лампасы. После февраля назначение следовало за назначением, повышение за повышением, но стремительное продвижение по службе боевого генерала уже не радовало. Накануне октябрьских событий Петр Николаевич был назначен командиром конного корпуса. Но, как сказано в послужном списке, «вследствие большевистского переворота от службы отказался и в командование корпусом не вступил».

Черный барон

Считается, что «Черным бароном» красные называли Врангеля из-за цвета черкески. Если следовать этой логике, барон с таким же успехом мог оказаться и белым, и серым — черкески-то он носил разные. Но «белый барон» в песне плохо сочетался с «белой армией», а «серый» — звучал не так зловеще, как «черный». В общем, большевистский поэт-агитатор Горинштейн свое дело знал...

Почему и откуда у Петра Николаевича появилась любовь к форме Кавказских казачьих войск? На первый взгляд все просто: командовал Кавказской Добровольческой армией — вот и стал носить кавказскую форму. Ну, можно еще заключить, что казаки приписали барона к одной из станиц, включив в свое сословие. В целом — верно. Но ведь далеко не все белые генералы не казачьего происхождения, даже записанные в казаки, спешили надевать черкески. Более того, даже сами казаки все чаще предпочитали носить гимнастерки, как более удобные и практичные на походе и в бою.

Историю «переодевания» генерала Врангеля в казачью черкеску описал уже в эмиграции в мемуарах полковник Федор Иванович Елисеев[2] — бывший командир Корниловского конного полка, коренной казак, летописец и певец вольной Кубани. По мысли Елисеева, перемена формы одежды была для Врангеля тем ходом, который сегодня бы назвали имиджевым. Генерал хотел сродниться с войсками, состоявшими в основном из казаков, стать для них своим, заслужить доверие. Подтверждение этому находим и в мемуарах самого Врангеля.

Вспоминая о неудачной атаке 18 сентября 1918 года — одной из своих первых атак во главе казачьей дивизии, Петр Николаевич писал: «Части за мною не пошли. Значит, — они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха».

Цитируя эти слова Врангеля, Елисеев сопровождает их комментарием: «Генерала Врангеля полки не знали. К тому же — он был не в казачьей форме одежды, т. е. не в черкеске и папахе, как были одеты казаки. Начальник казачьей дивизии “в фуражке” не импонировал душе казака. Такова тогда была психология казачьей массы».

Надо отметить, что главнокомандующим красными войсками Северо-Кавказского края был тогда бывший офицер Сорокин[3] — кубанский казак из хорошей и уважаемой семьи. Даже будучи красным, он пользовался авторитетом среди части станичников. Врангелю же свой авторитет еще только предстояло заслужить.

В октябре 1918 года в Корниловский конный полк, где служил Елисеев, был назначен командиром его близкий друг, молодой полковник Николай Гаврилович Бабиев — знаменитый джигит и герой Великой войны на Кавказском фронте. Вспоминает Федор Елисеев:

«Я любовался нашим новым командиром. Он очень импозантен в седле. На нем легкая “дачковая” черкеска цвета верблюжьей шерсти, черный бешмет, небольшая черная каракулевая папаха... Он весь так и просится на картину, как образцовый офицер-наездник Кавказских казачьих войск. Все в нем и на нем скромно, изящно и красиво».

Едва вступив в командование, Бабиев повел Корниловский полк в очередной бой с красными. Здесь и произошла его встреча с Врангелем, свидетелем которой оказался Федор Елисеев: «В самый разгар боя, неожиданно из-за бугров, с юго-востока, под огнем красных, пешком, в сопровождении только своего адъютанта-кавалериста — явился генерал Врангель. Оба они в гимнастерках, в фуражках, при шашках и револьверах. Бабиев доложил боевую обстановку. Врангель спокоен, улыбается и потом, с явным приятным расположением к Бабиеву, как-то наивно стал рассматривать его, — как он одет? И рассматривал его так, как рассматривает подруга подругу, увидев на ней новое модное платье. И, налюбовавшись, вдруг спрашивает:

— Полковник! А где Вы заказывали свою черкеску?

И по боевой обстановке и по существу вопроса — это было очень странно.

— Да еще в Тифлисе, Ваше превосходительство! — козырнув ему, отвечает Бабиев, стоя перед ним в положении “смирно”.

— Не беспокойтесь... держите себя свободно, полковник. Я так люблю кавказскую форму одежды, но в ней мало что понимаю, поэтому и присматриваюсь к другим — кто и как одет? Я ведь приписан в казаки станицы Петропавловской. Станица подарила мне коня с седлом. Теперь я хочу одеть себя в черкеску. Но, чтобы не быть смешным в ней — вот я присматриваюсь, чтобы скопировать с кого. Вы так стильно одеты... — говорит он, ощупывая качество “дачкового” сукна черкески, и “щупает” глазами его оружие. Бабиев на комплименты вновь откозырнул.

Разговор хотя и был неуместным по боевой обстановке, но нам обоим понравился. Мы поняли, что у Врангеля “есть душа”, что с ним можно запросто говорить. Что он “живой человек” со всеми человеческими странностями и недостатками, но не сухой формалист — генерал, начальник, к которому “не подступиться”».

Не прошло и недели, как Петр Николаевич уже щеголял в новенькой черкеске. Вернее, не щеголял, а красовался во главе дивизии, ведя ее в бой.

«С левой стороны, шагов на сто, коротким наметом наш полк обгонял генерал Врангель, — вспоминал Елисеев. — В бурке, в черной косматой папахе, на подаренном кабардинце станицы Петропавловской, вперив взгляд вперед, скакал он к очень высокому остроконечному кургану в направлении станицы Убеженской. Мы впервые видим его в нашей кубанской форме одежды. Бурка, косматая папаха и его остро устремленный взгляд вперед — делали его

немного “хищным”, даже похожим на черкеса, и если бы не низкий кабардинец под ним, не соответствующий его высокому росту, вид его, как кавказца, был бы правилен и хорош».

Барон еще долго «оттачивал» свой кавказский вид, присматриваясь к одежде казаков. И полюбил ее настолько, что не расставался с черкеской долгие годы, даже в эмиграции...

Отец гусарам

В годы Гражданской войны Петр Николаевич Врангель был принят в почетные старики и коренные жители многих станиц Кубанского, Терского и Астраханского казачьих Войск, зачислен в войсковое сословие Всевеликого войска Донского, а также в списки ряда полков, в том числе «именных» — Корниловского, Марковского и Дроздовского. Соответственно, имел право носить форму всех этих Войск и частей — тем более что церемония приема в полк обычно сопровождалась подарком полковой формы. Но на фотографиях вождя Русской армии можно увидеть в форме лишь одного из полков, в которых он номинально числился, — Ингерманландского гусарского полка.

Трудно представить Черного барона в образе гусара, не правда ли? Да и не нужно. В Гражданскую войну гусарская форма уже имела мало общего с той, которую мы привыкли видеть в кинофильмов. Никаких расшитых золотом венгерок, сияющих киверов и ташек. Остались лишь незначительные атрибуты, выделявшие гусарскую форму на фоне общевойсковой — блестящие розетки (украшения наподобие пуговиц) на голенищах сапог ниже колена, гусарские штаны — «чакчиры» да фуражки полковых цветов.

«У генерала Врангеля белая гусарская гимнастерка с погонами генерала Ингерманландских гусар и полковым знаком. Пояс — узкий, кавказский. По чакчирам туго изламывается широкий генеральский басонъ. Голубая фуражка надета бодро, по-молодому, той особой манерой, которая в полках прививалась даже солдатам и носила специальное название “строгой щеголеватости”», — так описывал внешний вид Петра Николаевича один из его однополчан-гусар.

Ингерманландские гусары до революции неофициально называли себя Голубыми Гусарами — по цвету парадной формы. Но, судя по документам и воспоминаниям, во время Гражданской войны это самоназвание вытесняется новым — «васильковые гусары». Цвет остался, а прозвище сменилось. Почему — точно неизвестно. То ли места жарких боев — изобилующие васильками крымские степи породили новый образ, то ли кавалеристы решили на всякий случай отстраниться от палитры тогдашних политических цветов «красные-белые-зеленые»...

Зато известно, почему Врангель носил форму этого полка с трудно произносимым названием.

В начале 1918 года старая русская армия развалилась, а исторические полки фактически перестали существовать. Для большинства кадровых офицеров трагедия полка переживалась как личная трагедия. Особенно это касалось кавалерийских частей, где полковая история и традиции зачастую являлись предметом культа, а кадровых офицеров в войну уцелело гораздо больше, по сравнению с пехотой. Неудивительно, что, едва заслышав о формировании Добровольческой армии, многие офицеры, прихватив полковой штандарт (иногда — попросту украв у красных или украинцев), пробирались к добровольцам, лелея надежду на возрождение родного полка. Увы, такие надежды не всегда сбывались. Командование Добрармии к «возрожденческим» инициативам относилось довольно прохладно. А вот генерал Врангель, наоборот, был сторонником восстановления старых полков и старался помогать в этом деле братьям-кавалеристам.

Осенью 1918 года несколько офицеров бывшего 10-го гусарского Ингерманладского полка похитили с места бывшей полковой стоянки — города Чугуева Харьковской губернии старый полковой штандарт, дарованный еще Петром Великим в 1712 году, прибыли в Добрармию и явились к генералу Врангелю. И Петр Николаевич сделал все возможное для того, чтобы полк возродился...

Кадровым офицером Ингерманландского полка был близкий друг Врангеля, командующий конницей Русской армии генерал Иван Гаврилович Барбович[4]. В этот полк главнокомандующий зачислил и своего сына — Петра Петровича. Вдова и дети генерала Врангеля до последнего вели переписку с его однополчанами — васильковыми гусарами...